

Научная статья
УДК 271.2-9(571.1/5)
doi: 10.17223/2312461X/38/2

Сибирская скитская библиотека в проекции Slavia Orthodoxa

Елена Ерофеевна Дутчак

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, dee010@mail.ru*

Аннотация. На материалах книжного собрания старообрядческой монашеской общины решается вопрос об участии богослужебных и дидактических текстов христианской традиции в конструировании народных вариантов православия. В качестве методического инструментария использована классификация данных исторического источника по степени повторяемости, верифицируемости и уникальности, разработанная И.Н. Данилевским. Скитская библиотека анализируется в контексте процессов собирания нужных для проведения групповых и индивидуальных молений книг, реализации задач по их физическому сохранению и писательских опытов общины. Полученные прямые и косвенные данные сопоставляются с позиций их способностей дать информацию об интеллектуальных запросах, поведенческих стратегиях и религиозных рефлексиях крестьянского пустынножительства второй половины XIX – начала XXI столетий.

Ключевые слова: старообрядчество, кириллическая книжность, культура письма и чтения, исторический источник

Благодарности: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Дутчак Е.Е. Сибирская скитская библиотека в проекции Slavia Orthodoxa // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 12–32.
doi: 10.17223/2312461X/38/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/38/2

Siberian Skit Library from the Perspective of Slavia Orthodoxa

Elena E. Dutchak

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dee010@mail.ru

Abstract. Based on the materials of an Old Believer monastic community book collection, the issue of the participation of Orthodox liturgical and didactic texts in the construction of popular variants of messianic eschatology is being resolved. As a methodological tool, we use the classification of historical source data according to the degree of frequency, verifiability and uniqueness, developed by I.N. Danilevsky. We analyze The Skit library in the context of the processes of collecting the books

needed for group and individual prayers, the implementation of tasks for their physical preservation, and the writing experiences of the community. We compare the obtained direct and indirect data from the point of their ability to provide information about the intellectual needs, behavioral strategies and religious reflections of the peasant hermit life in the 2nd half of the 19th – early 21st centuries.

Keywords: Old Believer, Cyrillic literacy, religious writing and reading culture, eschatology, historical source

Acknowledgements: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No 0721-2020-0042.

For citation: Dutchak, E.E. (2022) Siberian Skit Library from the Perspective of Slavia Orthodoxa. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 12–32 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/38/2

Введение

Информационный потенциал общинных библиотек староверов Сибири стал понятен еще в ходе «археографического открытия» региона в 1960-е гг. Обнаружение неизвестных или, как считалось, утраченных памятников древнерусской письменности придало импульс исследованиям кириллической книги в среде ее бытования (Книга и литература... 2003). Продолжение поисковых работ объективно расширяет это предметное поле и позволяет сместить акцент с изучения отдельных рукописных и печатных экземпляров на книжные собрания в целом. Представленные как метаисточник, по объемам исторических данных значительно превышающий возможности элементов-книг, они актуализируют вопрос о методах их анализа с учетом изменений, заданных современными историографическими реалиями. Принципиально важными здесь являются три научных направления, которыми проблематизируются имеющиеся и обосновываются новые подходы к интерпретации источниковых корпусов, попадающих под определение «собранное, сохраненное, созданное».

Собранное. Старообрядческие собрания как сложно устроенные совокупности древних рукописей и старопечатных изданий традиционно привлекались для объяснения идейной системы и историко-догматического творчества конфессии (Покровский, Зольникова 2022). Вместе с тем установлено, что наличие у общины разнообразного и широкого по составу книжного фонда никогда не становилось преградой для упрощения ее коллективных представлений о вере и вероучении. Понимание того, что такие библиотеки всегда функционируют как открытые системы (Дергачева-Скоп, Алексеев 1992), формирует условия для многомерной оценки «высоких» и «низовых» типов религиозных рефлексий, в равной мере определяющих облик регионального староверия.

Сохраненное. Приемы ремонта «намоленной» книги попали в поле зрения археографов задолго до того, как о «вещественном повороте»

стало известно большинству российских гуманитариев (Покровский 1984: 20–31). Сегодня отечественные и западные исследования «материальных носителей» религиозных идей идут во многом параллельно, но имеют серьезные основания для объединения результатов. В частности, заслуживают внимания примеры изучения внешнего облика христианской книги в контексте общеевропейских трансформаций культуры молитвы и понятия *hand piety* и *eye piety*, детализирующие тактильные и визуальные аспекты ее прочтения (Lentes 2006; Brown 2010).

Созданное. Старообрядческую культуру письма, остающуюся неизменной в фундаментальных принципах, принято интерпретировать, на первый взгляд, в разных методологических дискурсах: как воспроизводство литературных моделей путем копирования и цитирования знаковых для староверия текстов (Гурьянова 2007); как отражение мировоззренческого единства традиционных сообществ (Шемякин, Шемякина 2006) и как результат трансфера поведенческих образцов по внутриконфессиональной сети (Пригарин 2021).

В действительности они не противоречат друг другу в силу общего фокусирования на процессах осознанного отбора книг для моления и чтения. Но являются ли общинные книжные собрания их «стихийным воплощением»? Особенно если они сложились в регионах активных семейных и групповых миграций и, значит, в условиях постоянного проникновения в круг чтения локальных коллективов противоречащей их вероучению книжной продукции? Об информационных ресурсах таких собраний на материалах библиотеки томско-чулымского таежного скита староверов-странников с почти двухсотлетней историей пойдет речь в настоящей статье. Томско-чулымский таежный массив находится в бассейне реки Обь: на западе и востоке он ограничен реками Томь, Чулым и Яя, на севере – причулымскими болотами, а южные пределы находятся примерно в 100 км от г. Томска. Ранее район входил в состав Томского уезда, сегодня – это северо-восточные и северные территории Томской и Кемеровской областей Российской Федерации.

Скитская библиотека: методические аспекты исследования

Поселение, не имеющее устойчивого самоназвания, трижды трижды подвергалось репрессиям (1848, 1947, 1985 г.), продолжает существовать в режиме религиозной изоляции, поэтому возможности изучения его собрания требуют пояснения. В настоящее время полностью доступны для исследования переданные скитниками в Научную библиотеку Томского государственного университета 222 рукописных и печатных текста¹. Это лишь часть общинного фонда, но вполне репрезентативная с учетом проверки выводов еще 17 манускриптами и 20 изданиями, остающимися в естественной среде, и непосредственным наблюдением мест их хранения и частоты использования.

Распределение по тематике, способу и времени изготовления этих 259 текстов – разных по объему (от 1 до 930 листов) – дает следующую картину.

Скитская библиотека: общая характеристика коллекции

Тематика, время и способ изготовления	Рукописи	Старопечат- ные книги	Старообрядче- ские и едино- верческие из- дания	Издания Русской православ- ной церкви	Всего
	(1490–2012)	(1597–1670)	(1782–1918)	(1702–1880)	
Богослужение, церковный устав и кален- дарь, чинопос- ледование	84	21	31	–	136
Каноническое право, правила монашеской жизни	4	–	–	–	4
Агиографиче- ская, вероучи- тельная и назидательная лите- ратура	57	3	32	8	100
Полемика	10	–	3	–	13
Духовные стихи	3	–	–	–	3
История общины	3	–	–	–	3
Всего	161	24	66	8	259

Систематизация показывает, что скитское сообщество, убежденное в разрушении православной церкви и государственности, не мыслит себя без литургических и дидактических текстов, возникших в культурном ареале, который вслед за Р. Пиккио принято называть *Slavia Orthodoxa*. Автор термина ограничивал его применение XVII столетием и оценивал разговорную речь сочинений протопопа Аввакума уже как «сознательный отрыв» от средневековой концепции литературы (Пиккио: 2002: 301; 2003: 38–47). Однако вывод о том, что сочетание «закрытой» и «открытой» традиции (здесь: передача текста в неизменном виде или переработанном в соответствии с церковной доктриной и обстоятельствами) обеспечивает единство разделенного во времени и пространстве православного мира, подтвержден исследованиями поздней старообрядческой письменности (Потехина 2011).

Это оправдывает использование понятия-метафоры *Slavia Orthodoxa* за хронологическими пределами Древней Руси и вместе с тем открывает другую проблему: показывая вектор конструирования старообрядческими толкователями Библии своего идейного родства с признанными

христианскими богословами, оно ничего не говорит о социальных механизмах, действием которых процессы идентификации приводились в движение. При описании сложно развивающихся явлений, к каким относятся любые комбинации религиозного текста и жизненной прагматики, нужен дополняющий литературоведческую теорию методический инструментарий историка. В настоящее время он разработан И.Н. Данилевским (2018) для анализа древнерусского материала, но предложенное деление источниковой информации по степени повторяемости, верифицируемости и уникальности способно выступить кристаллической решеткой при изучении как самого конфессионального текстуального наследия, так и его интертекстуальных (социальных и символических) продолжений. В этой логике ориентация скитской общины крестьянского состава на образы и императивы христианской книжности может быть охарактеризована как локальная технология групповой консолидации, в которой собранные, сохраненные и созданные тексты обладают разным функционалом.

Например, владение старопечатной литургической книгой («хранилищем» повторяющейся в ритуале текстовой информации) маркировало принадлежность к православной ойкумене в ее дореформенной редакции, поэтому важно понять, сопровождалось ли ее *собираение* знанием церковного календаря и уставной литературы к полному кругу ежедневных и праздничных богослужений. Материальные и с высокой точностью датируемые следы книжной реставрации могут считаться вариантом верифицируемой информации о книжной культуре старообрядческого пустынничества, его готовности воспроизводить древнерусские приемы *сохранения*, продления жизни книги и изобретать собственные техники реставрации. Наконец, самостоятельно *созданные* в скиту тексты выступают носителями уникальных данных о писательских стратегиях таежной общины, вероучение которой базировалось на апокалипсическом пророчестве о спасенной «в чувственной пустыне» Жене-Церкви, а задачи выживания требовали выстраивания коммуникаций с внешним миром.

Соответственно, ключевыми для настоящего исследования становятся следующие вопросы – отражает ли оно вербальные и невербальные средства, используя которые его владельцы нивелировали информационные потоки «никонианского мира» и, более того, считали свои действия канонически обоснованными? И дает ли основание скитской способ перевода письменного знания в конфессиональные практики говорить не только пространственно-временных, но и социальных, в данном случае – крестьянских, форматах культурной традиции *Slavia Orthodoxa*?

**«Забери книгу, нам по ней молиться нельзя – слишком новая»:
собранные**

Этими словами одна из скитниц выразила свое отношение к следованной Псалтыри, выпущенной в 1781 г. типографией почеевского

Успенского монастыря. Легкость, с которой она рассталась с авторитетным для большинства староверов изданием, можно было счесть экспедиционным курьезом, если бы не ее умение определять пригодность книги по ее содержанию. Выросшая в таежном монастыре, обучавшаяся грамоте и молитве по старопечатным Псалтырям скитница твердо знала «правильную» последовательность текстов и потому без труда различала их старообрядческие версии, обладавшие, как установлено А.В. Вознесенским (2004), специфическим составом.

Освоение сибирским пустынножительством христианского богослужебного наследия «на слух» и «по памяти» заставляет более внимательно отнестись к скитскому книжному собирательству и рассматривать его в контексте истории таежного поселения. Например, учитывать, что скитская община сложилась в ходе трех миграционных волн, каждая из которых пополняла библиотеку новыми литургическими текстами.

Первое и наиболее крупное переселение выходцев из Казанской, Ярославской и Костромской губерний длительностью в несколько десятилетий (1850–1910-е гг.) стало следствием нарастающего влияния проповеди о близости Апокалипсиса (РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1324, 1325). Под ее воздействием изменения в повседневной жизни Поволжья, вызванные разными обстоятельствами – разрушением крепостного уклада, экологическим кризисом и детской смертностью, Всероссийской переписью 1897 г. и популяризации астрономической литературы о кометах (Смыков 1984; Вишленкова 2005; Мельникова 2011) – воспринимались эсхатологически мыслящей частью городских и сельских обывателей подтверждением апокрифических предсказаний о кириопасхе 1912 г. как дате конца света. Совокупный эффект притока рабочих рук и капиталов позволил скиту через мирских посредников-«благодетелей» включиться в теневой книжный рынок, сформированный официальным запретом изданных до 1653 г. богослужебных книг. Успешность этого предприятия демонстрирует следованная Псалтырь 1642 г. (НБ ТГУ. ОРКП. В-27062). Выпуск, приуроченный к сватовству сына датского короля Кристиана Вальдемара к царевне Ирине Романовой и полемике с протестантами, содержал статью о двуперстном крестном знамении, что сделало издание востребованным в старообрядческой среде и очень дорогим (Сопиков 1813: 188–189).

Однако для настоящего исследования значение имеют не библиографические редкости, а присутствие в скитской библиотеке внутренне связанного корпуса книг, который в культурном ареале *Slavia Orthodoxa* выполнял задачу стабилизации языковых и социальных норм (Поздеева 2000). Например, таких как Апостолы (1597, 1621 гг.), Минеи общая и праздничная (1600, 1650 гг.), Минеи месячные (1636, 1646 гг.), Псалтыри простые и следованные (1602, 1634, 1636, 1640,

1642, 1648, 1649 гг.), Октоих (1638 г.), цветная Триодь (1640 г.), Часовники (1634, 1635 гг.), Шестоднев (1640 г.). Листы еще трех старопечатных Уставов, служившие в них закладками, подтверждают, что этот тип книги тоже был известен в скиту.

Конструирование храмовой культуры без священника и храмового пространства без церковного здания ставит вопрос о статусе и назначении рукописных богослужебных текстов. Прежде всего, отметим их дополняющий характер по отношению к старопечатной книге и количественный перевес по сравнению с переписанными для чтения. Скитские копии праздничной Минеи, Триодей, Псалтырей, Ирмология и Октоиха, выполненные в период с 1850 по 1925 г. (НБ ТГУ. ОРКП. В-25761, В-25165, В-25451, В-26101, В-26123, В-27169), очевидно, должны были восполнить их недостаток в численно растущей общине. Более интересную информацию дают рукописные чинопоследования. Их содержание говорит о том, что скитские правила совершения служб оставались избирательными, и указания к Пасхе составляют более 70% от всех приуроченных другим христианским праздникам.

Вряд ли дефицит знаний в области христианской литургии осознавался как проблема, напротив, он отвечал странническим представлениям о неизбежном сокращении православных таинств и ритуалов в «последние времена». Насущным его сделал указ о веротерпимости 1905 г. и распространение в регионе единоверческих и старообрядческих перепечаток московских дореформенных изданий. Для оценки таких «переводных книг», в том числе выполненных на имитирующей старинное верже бумаге и с использованием знакомых по старопечатным книгам шрифтов, заставок и инициалов, скитникам не доставало опыта. Тем не менее до второй миграционной волны, вызванной социальными трансформациями 1920–1930-х гг., обсуждение правомерности их принятия носило отвлеченный характер.

Приход в скит уральских и сибирских крестьян-староверов разных деноминаций и вместе с ними большого числа «переводных книг» осложнялся тем, что таежная община, опасаясь репрессий теперь уже со стороны советских властей, избирает дисперсный тип расселения. В результате возникла угроза, что включение их в богослужебный обиход келий-киновий, расположенных на расстоянии от 1 до 7 км, нивелирует претензии скита считаться местом спасения «древлего благочестия». Сохранение управленческих позиций за авторитетными начетчиками позволило взять ситуацию под контроль, и после 1933 г., когда не критичное отношение к единоверческим и старообрядческим изданиям было использовано частью скитников как аргумент для разделения общины, последовало соборное запрещение держать их в кельях. Это помогло унифицировать групповые моления, сохранив их связанность с церковным календарем и относительную полноту.

Очередную проверку на прочность скитские богослужебные практики заставляет пройти третья миграционная волна, интеллектуальный облик которой с 1960-х гг. определяется численным перевесом людей со светским образованием и запросами. Сокращение коллективных уставных служб, интерес к агиографическим рецептам обретения «книжной премудрости» без долгого обучения подобно Марии Египетской (НБ ТГУ. ОРКП. В-26124), казалось бы, свидетельствуют о включении в общий для религиозных культур тренд на секуляризацию. И вместе с тем вывод о разрыве с литургическими основаниями *Slavia Orthodoxa* даже в версии 1850–1950-х гг. будет поспешным. Среди современных скитников нет случайных людей, все они связаны кровным родством с прежними поколениями пустынножителей, живут в их кельях и заботятся об их книгах.

Полевые наблюдения дают основание говорить о семейно-групповых инструментах поддержания ритуальных правил, усвоенных такими квазинеофитами еще в детстве. Во-первых, это использование биографического нарратива для стабилизации религиозных норм: «Братец мне говорил: “Держись, сестрица, учения Ляксандра Ивановича”, вот я и стараюсь делать так, как мы жили при нем» (ААЭ ТГУ. Красный Яр: полевой дневник 2016 г. Тетр. 6. Л. 25). Это не означает отказа от письменной традиции, скорее показывает, что полумонашеская, полукрестыанская община с мессианскими установками не считает вероучительный текст их единственным источником. Авторитет наставника и старших родственников становится не менее важным элементом осмысления скитской традиции как «своей», семейной. Во-вторых, это обращение к средневековой по происхождению технологии формирования «мышечной памяти на слова произнесенные и слуховой – на услышанные», названной исследователями слуховым чтением (Маклюэн 2005: 169). Присутствие на скитских богослужениях и заучивание молитв под руководством монашествующих родственников синхронизируют запоминание сложных по лексико-стилистической и понятийной структуре текстов и порядка их прочтения.

Результативность задействованных приемов позволяет перевести в социальную плоскость выводы Р. Пиккио о «закрытой» и «открытой» литературной традициях и рассматривать их как сопровождающие слуховой и письменный тип освоения староверами христианского литургического наследия. Если предположение верно, то встает вопрос о действиях и книгах, обеспечивающих переход от точного воспроизведения конфессионального текста к его ситуативному переформатированию.

«У нас книжек нет, у нас – книги»: сохраненное

Своеобразие христианской книжной культуры О.П. Лихачева (2008: 33) выразила антитезой «Книга – это не предмет, а процесс». В отно-

шении ее скитского варианта она верна и неверна одновременно. «Намоленной» книгой, как иконой, можно благословить человека и освятить келью, вместе с тем бытовые правила (хранить закрытой и завернутой, открывать на чистой поверхности и после «начала») и телесные практики чтения (богослужебных текстов за «налоем» стоя, всех прочих – «в присед», сидя) стали регуляторами суточного цикла молитв, хозяйственных дел и досуга. Двойственная предметно-процессуальная природа кириллической книги расширяет ее возможности быть носителем верифицируемой информации, содержащейся на манускриптах и печатных изданиях скитской библиотеки. Проверочным тестом служит внешнее состояние литургических текстов для коллективных и индивидуальных молений: на первых механических повреждениях меньше, что соответствует наблюдаемому сокращению общих молений (см. изданные в 1636 г. экземпляры Минеи и Псалтыри; НБ ТГУ. ОРКП. В-25544, В-24770). Аналогичным образом реставрационные материалы и техники, представление о которых дают 76% скитских книг, выступают вполне надежным источником сведений о коллективных действиях по их сохранению.

Скитской книжный фонд нуждался в поддержании физического состояния не только из-за разрушительного воздействия времени, но и вследствие принятых способов хранения и защиты. Размеры келий позволяли держать в отапливаемых помещениях лишь минимум нужных богослужебных, уставных и четых книг, остальные, сложенные в сундуки, размещались на чердаках или в сенях. Кроме того, общеупотребительной стала практика прятать их в периоды опасности в земляные тайники. Поэтому типичными и требующими устранения повреждениями были деформация и загрязнение переплетов и листов, обширные утраты текстов. Вместе с тем временной диапазон скитских реставрационных слоев показывает, что максимальное число работ приходится не на годы после репрессивных акций 1848, 1947, 1985 гг., а на периоды резкого увеличения общины – 1890–1910-е, 1960–1970-е и 1990-е гг.

Противоречие снимается логическим допущением, что у подавляющего большинства неофитов вера в сакральную силу христианской книги не подкреплялась глубоким знанием содержания. По воспоминаниям переселившихся в скит во взрослом возрасте, чтение на церковнославянской кириллице и письмо полууставом они осваивали параллельно с приемами восстановления разорванных листов, расшитых тетрадей, разбитых переплетов. Это объясняет следы ремонта на 52 из 74 изданий, вышедших между 1702–1918 гг. в «иноверческих» типографиях, и отсутствие в составе библиотеки списков древнерусских инструкций реставраторам, известных староверам других регионов (Калугин 1987).

Конфессиональная социализация, строящаяся на ремесленном обучении и эмоциональном воздействии книги, которая визуальна и так-

тильно воспринимается как старинная, имеет существенную особенность: ей всегда нужен наглядный образец. Его носителем выступали рукописные и старопечатные книги XV–XVII вв., привезенные с наращенными краями листов, воссозданными нумерацией, колонтитулами и декором, сверенными по другим спискам или изданиям текстами, укрепленными переплетами и застешками. Но была ли возможность удержать эту технику в полном объеме, когда ресурс погибших книг – «поставщиков» бумаги и кожи для ремонта – оказался исчерпан? Действительно, с середины XX в. община окончательно переходит к изготовлению переплетов из хозяйственной тары, дверной обшивки и настенных обоев, использованию школьных тетрадей для замены утраченных листов, а потом и шариковых ручек для правки опечаток и неточностей. Примечательно другое. Казалось бы, вопреки очевидному, скитники убеждены – такие манипуляции с древней книгой не превращают ее в «книжку».

Материальное и вербальное участие христианской книги в конструировании священного позволяет считать, что внедрение подручных материалов и легитимация права на исправление ее содержания тоже апеллировали к разным составляющим конфессиональной культуры и должны реконструироваться по вещественным и письменным источникам.

В первую группу входят старопечатные Триоди, Псалтыри, Часовники и Минеи, видоизмененные на рубеже XIX–XX вв. схожими способами. В одних утраченные фрагменты переписаны или заменены изъятыми из рукописных аналогов (НБ ТГУ. ОРКП. В-25458, В-26116, В-26406, В-27242); к другим – подшиты новые сочинения (В-26100, В-26742, В-26901, В-26902). Представленные как единый корпус они все же больше говорят о начальном этапе русского книгоиздания, чем об изобретательности скитских мастеров. Продукция типографий, учрежденных для решения церковно-государственных задач, не могла сразу насытить рынок и вытеснить производство рукописей для частного и семейного моления. Длительное и бесконкурентное сосуществование техник тиражирования не дало развиваться конфликту визуальных образов рукописного и печатного текстов [описан в: (Маклюэн 2005: 219–236)] и пролонгировало их взаимозаменяемость в долгосрочной перспективе. Поэтому комбинирование текстов, изданных до 1653 г. с написанными «сейчас», воспринималось скитскими реставраторами как заслуживающий доверия метод возвращения богослужебной книге ее сакральной силы, что на следующем историческом витке сделало такие экземпляры образцом для подражания (НБ ТГУ. ОРКП. В-27247, В-26737, В-27395).

Вторая группа включает в себя подборки цитат и читательские маргиналии, объединенные темой «книжных исправлений» (НБ ТГУ. ОРКП. В-26145, В-26163, В-24927, В-17389). Писчий материал и атри-

буция почерков относят ее складывание к 1920–1940-м гг., т.е. времени пополнения общины староверами других деноминаций, а скитской библиотеки – «переводными книгами». Выработка общего принципа диагностирования «испорченных», «обмирщенных» богослужебных текстов, как показывает сопоставление этих данных, оказалась непростым делом. Суждения Никона Черногорца, Иоанна Златоуста, Максима Грека и страннического писателя Василия Гаврилова, экскурсы в историю редактирования Библии и полемики с «никонианами» не оставляли сомнений – вмешательство в книгу бывает злом и благом, случайным и преднамеренным, но давали взаимоисключающие рецепты относительно того, как поступать с модифицированным текстом – испытывать «пишемое», «пишущего» или все же «веровати и не силогизмовати».

Конец сомнениям положили масштабные репрессии 1947–1951 гг., разрушившие сетевую организацию скитских поселений Сибири. Дальнейшие рефлексии общины, как одной из немногих уцелевших, закономерно развивались в русле мессианской эсхатологии, что открыло возможность без отсылок к авторитетам определять правила жизнеустройства: «Кто в последнее время скроется от человек, *сами собой* воспримут усердие и *сами собой* знают, что здесь делать и как тут доживать» (ААЭ ТГУ. Красный Яр: аудиозапись 2004. Кассета 1). В этом случае следы ремонта последней трети XX в. показывают степень устойчивости алгоритмов мышления *Slavia Orthodoxa* в ситуации свободы выбора. Так, при замене переплета сводного издания Минеи 1650 г. реставратор оставил лишь главы с молениями святым одного лика. Это ограничивало использование книги для персонифицированных праздничных служб, но не нарушало устав (НБ ТГУ. ОРКП. В-27117). Еще пример: обложка рукописных толкований Андрея Кесарийского, украшенная вырезанным из конфетной коробки букетом роз (В-26127), гармонирует с празднично-торжественным оформлением средневековых Апокалипсисов и древнерусской трактовкой Страшного суда как победы добра над злом (Завадская 1990: 93–94; Кивельсон 2012: 147–148).

Сопряженность книжной реставрации с социальными процессами дает основание для дифференциации информации, которую обеспечивают ее материальные признаки. Следование приемам древнерусских реставраторов демонстрировало верность дореформенному православию, а их модификация означала, что скитники считают себя избранными и спасенными по воле провидения. Последнее, впрочем, вряд ли было осуществимо без письменной ревизии страннического вероучения.

**«Грамотный был старичок,
все время что-то переписывал»: созданное**

Интеллектуальную культуру скитской общины определяют два положения: не всякая мысль нуждается в фиксации на бумаге и не любой

пришедший в скит достоин формулировать ее от имени коллектива. Из осторожного отношения к письменному слову вытекало восприятие полууставного письма как точно передающего религиозный смысл текста, и графическое сходство со шрифтом богослужебных книг позволяло совместить обучение неопитов ритуалу, каллиграфии, орфографии и технике переписки. Косвенно это подтверждают использование полей печатных книг как прописей и внешний облик скитских текстов: в них, как и в древнерусских кодексах и первых изданиях, пронумерованы не листы, а тетради, и встречающаяся пагинация обычно позднего происхождения.

В то же время содержание 135 рукописей, созданных в таежном монастыре, ставит вопрос о соотношении элементов «закрытой» и «открытой» литературной традиции в скитской письменной культуре. Только в 4% текстов названы авторы, и все они представляют собой полемические послания и ориентированы на «чужую» аудиторию – поморцев, часовенных, белокринцких и страннические толки с другими правилами внутренней организации. Принимая во внимание, что межконфессиональному спору предшествует определение участвующими сторонами собственных позиций, остается неясным, почему скитские полемисты, известные за пределами Сибири (Духовная литература... 1999: 548–551, 757), не сочли необходимым посвятить истории своей общины, ее религиозным предпочтениям отдельного повествования. Показательным является не только физическое отсутствие таких произведений, но и памяти об их существовании в прошлом.

Наблюдение обращает к топосу «безымянная святость» северорусской и сибирской агиографии (Ромодановская 2005), восходящей к региональным традициям совместной монашеской и крестьянской колонизации. Стабильно большое число монахов из окрестных деревень вело к тому, что уход в скит считался ординарным событием, а принявший постриг родственник или односельчанин – одним из многих хранителей «чувственной пустыни». Это формировало социальную почву для растворения авторского начала и наделения экспертным мнением скитскую общину в целом, и, значит, именно в анонимно переписанных богословских и литературных сочинениях, молитвах, проповедях и бытовых предписаниях следует искать истоки названных противоречий и результаты переосмысления вероучения. Коллективные компиляции в таком случае предстают дискурсивной конструкцией, в которой соединение текстов непреходящей и сиюминутной значимости становится источником уникальных сведений о канонических и неканонических основаниях перевода умозрительного знания о ближащемся конце света в поведенческие стратегии его ожидания.

Их выявление осложнено давно сложившейся в историографии оценкой раннехристианских и древнерусских сочинений с выраженной

эсхатологической компонентой как фундамента групповых действий старообрядческих сообществ, и копированию для личного пользования всего остального отводится второстепенная роль. В отношении крестьянского пустынножительства это может быть ложным шагом. Полевые интервью говорят о том, что для небольшого, а зимой еще и ограниченного даже во внутренних коммуникациях коллектива читателей и переписчиков, прежде всего, эмоциональные стороны монашества вызвали желание переписать что-нибудь «для себя»: «Вот такая тоска находит, что невыносимо, я все бы на себе рвал, убил бы всех, кричу. Конец жизни находит, вот вешаются, стреляются. Что делать-то? Взял икону “Всем скорбящим в радости”, начал к ней канон читать. А после молитвы сердце отошло, стало весело и спокойно. Так хорошо на душе» (ААЭ ТГУ. Красный Яр: аудиозапись 1989 г. Кассета 1).

В переданной части скитской библиотеки – 23 молитвенных обращения богородичным иконам и святым и столько же сохранившихся во фрагментах как закладки в книгах. Все они созданы в диапазоне 1890–1999 г., отличаются разнообразием почерков и плохой сохранностью. Поскольку есть еще 16 рукописных и печатных сборников с канонами (1636–1965 г.), в том числе подшитыми при реставрации, то напрашивается вывод об устойчивом интересе к древнему жанру византийской гимнографии. Он мог сформироваться под воздействием двух факторов. Во-первых, каноны благодаря ритмическому строению стали своеобразным «подножием Библии», поэтической кодификацией христианского вероучения, индивидуально осваиваемым методом перевода доктрины на язык чувств (Прохоров 1972). Во-вторых, широкое распространение Канонников в домашнем и келейном богослужении обеспечивалось вариативностью их содержания (Вознесенский 1993), и дополнение своего принесенного в скит новыми текстами считалось обычным делом. Если учесть, что скитникам было известно «Сказание, каким святым какие благодати исцеления от Бога даны» (НБ ТГУ. ОРКП. В-27637), нетрудно предположить – их выбор и частотность тиражирования свидетельствуют об актуальных запросах общины. Например, в начале XX в. в число заупокойных канонов входит молитвенное обращение к Паисию Великому, которое обычно читается за умерших в неверии и без покаяния. Хронологически это совпадает с включением территории таежного массива в программу колонизации Переселенческого управления, и налаженные связи с растущей сельской округой, ее духовное окормление предполагали ответные действия по защите скита. Более важным для установления способностей формально ситуативного письма маркировать начавшуюся реинтерпретацию вероучения становится учащаяся с конца 1950-х гг. переписка канона Уарию – заступнику умерших *некрещеными*.

Обратить внимание на этот текст заставляет не только его популярность, но и системообразующие качества обряда крещения: он *de facto* осмысливается как постриг, «смерть для мира», его предваряет уничтожение личных документов, иногда денег, и символически завершает использование крестильной рубахи как похоронного одеяния. Вместе с тем три рукописных чина крещения, относящиеся к разным периодам истории таежного поселения, в сопоставлении с девятью сборниками выписок показывают, что в таком виде ритуал сложился не ранее 1950–1970-х гг. и сопровождался сменой фундирующих текстов.

Впервые ревизию обряда община проводит в 1890–1910-е гг. Ее размышления, полностью сосредоточенные на праве его совершения «простолюдином», были вызваны внешними обстоятельствами. В непосредственной близости от скита появляются не только «никонианские» деревни с храмами и часовнями, но и обители староверов-белокриницких, признававших рукоположенное священство и сохранение всех таинств. Аргументами странников становятся чиноприем по старопечатным Третьякам и отсылка к нормам и прецедентам канонически безупречных текстов – Кормчей, Апостольским правилам, решениям карфагенских соборов, Прологу и четым Миняем (НБ ТГУ. ОРКП. В-27401, В-17389, В-26128, В-26132, В-26154, В-27694).

Пополнение скитской общины староверами других беспоповских согласий в 1920–1940-е гг. переориентировало обсуждение. Выписки о природе «еретического» и «истинного» крещения из сочинений видных христианских писателей должны были убедить прибывших в необходимости перекрещивания, но и в этот период чин приема и доказательная база остаются прежними. Пожалуй, один нюанс требует упоминания – это привлечение пассажа из «огласительных слов» Кирилла Иерусалимского, где предлагается принять обряд без колебаний, «если видишь благодать на крестителях» (НБ ТГУ. ОРКП. В-27640, В-26143, В-26153, В-26157). Не исключено, что его самопроекция облегчила общине, ставшей в годы коллективизации центром притяжения и арбитром в споре о «переводных книгах», переход к собственной крестильной обрядности после репрессий 1947–1951 гг. Теперь она включает ритуальные просьбы о прощении, адресованные святым отцам и крещеным единоверцам, формулу «благословения уйти из Вавилона в странство» и базируется на «Правилах Иппонского собора» (В-27104, В-27635).

Северорусское и старообрядческое происхождение этого канонического памятника сегодня не вызывает сомнений (Корогодина 2016), но следует остановиться на деталях скитского списка, важных для общины с биографическим типом коммеморации. Копиист, во-первых, называет источник переписки и владельца книги («древлеписьменная Кормчая, писанная в 331 лето по Рождестве Христове, купца в Тюмени Антона Осиповича Рогожникова»); во-вторых, рассматривает «иппонские»

установления как дополнение к традиционному чину в части исповеди и крещения детей, немощных и умирающих. Интерес к их правильному проведению показывает крестьянское пустынножителство как социальный институт с прочными мирскими связями и открывает подспудный смысл часто повторяемой скитниками максимы: «Мир будет стоять до сих пор, пока жив хоть один странник»: их мир локален, тождествен ограниченному числу семей, и ранее крестившийся родственник выступает гарантом их будущего включения в число спасенных.

Использование православного текстуального наследия для оценки космических масштабов эсхатологической катастрофы и при этом конституирование ритуала для заданного круга участников, видимо, есть главный итог рецепции письменной культуры *Slavia Orthodoxa* сибирскими странниками. Это объясняет причины, по которым процесс переосмысления вероучения идет в соответствии с древнерусскими риторическими приемами, когда цитирование становится «тематическим ключом» к пониманию написанного (Пиккио 2003: 431–437) и означает умение диспутировать (Данилевский 2018: 214–217), а его результат – новая модель конфессиональной инициации – сохраняет прагматизм крестьянской религиозности, нуждающейся не в описании истории скитского поселения, а в скрупулезной фиксации поминального статуса связанных с ним людей.

Заключение

В разных научных парадигмах скитская библиотека как целостный исторический источник может получить диаметрально противоположные оценки. С позиции «классического» археографического поиска, нацеленного на введение в научный оборот новых памятников книжности, она не представляет большого интереса. В ее составе нет неизвестных ранее сочинений или изданий, немногочисленные авторские полемические трактаты отвечают хорошо изученным принципам построения подобных текстов и подтверждают их общеупотребительность в старообрядческой среде. Однако для неоклассического знания ее ординарность становится главным достоинством и преимуществом.

Книжные собрания такого рода являются источником данных, способным показать действие безличных процессов в религиозной повседневности, обрастающей под влиянием трансграничных движений людей и идей наднациональной символикой. Они могут помочь в выяснении роли, которую в открытых информационных системах играют жесткость и гибкость связей между элементами-книгами, и показать последствия замены «старых» текстов на «новые». Они позволяют исследователю абстрагироваться от естественного стремления обнаружить оригинальное или как минимум редкое и сконцентрироваться на

типичном и обыденном. В отношении «крестьянского» варианта староверия это означает понимание, что концептуализацию вероучения в них обеспечивает не творческий потенциал писателя-интеллектуала, умеющего отбирать удачные цитаты и складывать собственную текстовую мозаику, а возможность через коллективный ритуал услышать, увидеть и повторить прочитанное и усвоенное.

Внетекстовая реальность, которую открывают такие собрания, гораздо богаче книговедческой модели письменной культуры с ее стандартным набором регулирующих, консервирующих, мировоззренческих и генерирующих функций. Поэтому для многомерного анализа общинных библиотек явно недостаточно деления книг по степени древности/современности или распределения на богослужебные, уставные и четьи. Даже дробные видовые классификации и группировка на догматические, полемические и агиографические и прочие сочинения, в конечном счете, не дают желаемого результата: книжное собрание все равно «расползается» и остается хаотичным, не желающим подчиняться законам научной рациональности.

Именно энтропийная природа общинных библиотек требует разработки аналитических схем, учитывающих длительность и спонтанность складывания. В данном случае практики собирания, хранения и создания текстов становятся одним из путей изучения не только повторяющейся, верифицируемой и уникальной информации кириллической книги, но и мотивов ее прошлых и настоящих владельцев. Вместе с тем вопрос о современных воплощениях *Slavia Orthodoxa* было бы опрометчиво считать решенным, видимо, лишь проверка предложенной модели на аналогичных источниковых корпусах докажет, имеем ли мы дело с призраком, тенью культурной традиции или ее реальным, хотя и модифицированным, продолжением.

Примечания

¹ Онлайн-доступ к рукописной и с 2023 г. к печатной частям коллекции организован на сайтах Международной программы «Архивы в опасности» / The Endangered Archives Programme и Научной библиотеки Томского государственного университета (<https://doi.org/10.15130/EAP834>; <http://dx.doi.org/10.15130/EAP1308>; <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153>).

Список источников

- Архив археографической экспедиции ТГУ (ААЭ ТГУ). Красный Яр: аудиозапись 1989 г. Кассета 1.
ААЭ ТГУ. Красный Яр: аудиозапись 2004 г. Кассета 1.
ААЭ ТГУ. Красный Яр: полевой дневник 2016 г. Тетр. 6.
Вишленкова Е.А. «Не пей воду из Кабана!» (Экологический кризис в Казани XIX в.) // Родина. 2005. № 8. С. 94–96.
Вознесенский А.В. Канонник как тип книги у старообрядцев // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 355–368.

- Вознесенский А.В.* К истории установления старообрядческого типа Псалтырей и Часовников // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 234–238.
- Гурьянова Н.С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.
- Данилевский И.Н.* Историческая текстология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
- Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Старообрядческие библиотеки в Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. трудов / отв. ред. Н.Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1992. С. 125–130.
- Духовная литература староверов востока России XVIII–XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
- Завадская Е.В.* Мир как книга (Образ книги в Апокалипсисе и образы Апокалипсиса в книге) // Книга: исследования и материалы. Вып. 61. М.: Книжная палата, 1990. С. 85–94.
- Калугин В.В.* «Указ о художестве книжного переплета» по спискам из собрания Е.Е. Егорова и Ф.А. Каликина // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 46. М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1987. С. 82–94.
- Кивельсон В.* Картография царства: Земля и ее значения в России XVII в. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Книга и литература в культурном контексте: сб. науч. статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири (1965–2000 гг.) / сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003.
- Корогодина М.В.* «Правила Иппонского собора» и старообрядческие подделки начала XIX в. // Современные проблемы археографии. Вып. 2: сб. статей по материалам конференции к 300-летию Библиотеки Российской Академии наук / сост. М.В. Корогодина. СПб.: БАН, 2016. С. 476–486.
- Лихачева О.П.* Из истории сложения восточно-славянского Пролога // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005): сб. науч. статей / сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. Т. 2. С. 31–36.
- Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.
- Мельникова Е.А.* «Воображаемая книга»: Очерки истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников (НБ ТГУ ОРКП). В-25451, В-25458, В-25165, В-25761, В-26101, В-26116, В-26123, В-26406, В-27242, В-26100, В-26742, В-26901, В-26902, В-27169, В-27247, В-26737, В-27395, В-25544, В-24770, В-26124, В-26127, В-26145, В-26163, В-24927, В-17389, В-27104, В-27635, В-27117, В-27401, В-17389, В-26128, В-26132, В-26154, В-27694, В-27637, В-27640, В-26143, В-26153, В-26157, В-27062.
- Пиккио Р.* Древнерусская литература. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003.
- Поздеева И.В.* Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 112–118.
- Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. Новосибирск: Книга, 1984.
- Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002.

- Потехина Е.А. Проблемы исследования памятников старообрядческой письменности // Язык и текст в системном и социокультурном аспектах: сб. статей / науч. ред. Е.А. Потехина. Olsztyn: Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, 2011. С. 9–44.
- Пригарин А.А. Глокализация в старообрядческой среде: модели и субъекты современной модернизации традиционалистских общностей Тувы и Буджака // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 210–231.
- Прохоров Г.М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 120–149.
- Ромодановская Е.К. «Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и северорусской агиографии // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика: сб. науч. статей / отв. ред. С.А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 143–159.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1324–1325. Дело об открытии в городе Казани секты странников или бегунов.
- Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М.: Наука, 1984.
- Сопиков В. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славянском и российском языках от начала заведения типография до 1813 года. Ч. 1. СПб.: Типография Императорского театра, 1813.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 98–109.
- Brown M.P. «Hand Piety»; or, Operating a Book in Early New England // Cultural Narratives / ed. S. Gustafson. Notre Dame: U of Notre Dame P, 2010. P. 14–33.
- Lentes T. Prayer books // Transforming the Medieval World: uses of pragmatic literacy in the Middle Ages / ed. by F.-J. Arlinghaus etc. Brepols Publisher n.v., Turnhout, Belgium, 2006. P. 239–258.

References

- Arkhiv arkeograficheskoi ekspeditsii TGU (AAE TGU) [Archive of the TSU Archaeographic Expeditions]. Krasnyi Iar: audiozapis' 1989 g. Kasseta 1.
- AAE TGU. Krasnyi Iar: audiozapis' 2004 g. Kasseta 1.
- AAE TGU. Krasnyi Iar: polevoi dnevnik 2016 g. Tetr. 6.
- Brown M.P. (2010) «Hand Piety»; or, Operating a Book in Early New England. In: *Cultural Narratives* / Ed. S. Gustafson. Notre Dame: U of Notre Dame P, pp. 14–33.
- Danilevskii I.N. (2018) *Istoricheskaiia tekstologiya: uchebnoe posobie* [Historical Textology: A Textbook]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki.
- Dergacheva-Skop E.I., Alekseev V.N. (1992) Staroobriadcheskie biblioteki v Sibiri (problemy rekonstruktsii) [Old Believer Libraries in Siberia (Problems of Reconstruction)]. In: *Traditsionnaia dukhovnaia i material'naia kul'tura russkikh staroobriadcheskikh poseleniiakh v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*: sb. nauch. trudov / Otv. red. N.N. Pokrovskii, R. Morris [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America: Collected Papers. Ed. by N.N. Pokrovskii, R. Morris]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otd-nie, pp. 125–130.
- Dukhovnaia literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XIX v.* [Spiritual Literature of the Old Believers of the Russian East in the 18th-19th centuries]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1999.
- Gur'ianova N.S. (2007) *Staroobriadtsy i tvorcheskoe nasledie Kievskoi mitropolii* [Old Believers and Creative Heritage of the Kyiv Metropolitan]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.

- Kalugin V.V. (1987) «Ukaz o khudozhestve knizhnogo perepleta» po spiskam iz sobraniia E.E. Egorova i F.A. Kalikina [‘Decree on the Art of Bookbinding’ According to Lists from the Collection of E.E. Egorov and F.A. Kalikin]. In: *Zapiski otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im V.I. Lenina. Vyp. 46* [Notes of the Department of Manuscripts of the State Library of the USSR named after V.I. Lenin. Vol. 46]. Moscow: Gosudarstvennaia biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, pp. 82–94.
- Kivelson V. (2012) *Kartografiia tsarstva: Zemlia i ee znacheniiia v Rossii XVII v.* [Cartographies of Tsardom. The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kniga i literatura v kul'turnom kontekste: Sb. nauch. statei, posviashchennyi 35-letiiu nachala arkheograficheskoi raboty v Sibiri (1965–2000 gg.)* [Book and Literature in the Cultural Context: Collected Papers, Dedicated to the 35th Anniversary of the Beginning of Archaeographic Research in Siberia (1965–2000)]. Compiled and ed. by E.I. Dergacheva-Skop, V.N. Alekseev. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2003.
- Korogodina M.V. (2016) «Pravila Ipponskogo sobora» i staroobriadcheskie poddelki nachala XIX v. [‘Rules of the Ipponsky Council’ and the Old Believer Forgeries of the Beginning of the 19th century]. In: *Sovremennye problemy arkheografii. Vyp. 2: Sb. statei po materialam konferentsii k 300-letiiu Biblioteki Rossiiskoi Akademii nauk / sost. M.V. Korogodina* [Modern Problems of Archaeography: Proceedings of the Conference for the 300th Anniversary of the Library of the Russian Academy of Sciences. Compiled by M.V. Korogodina]. St. Petersburg: BAN, pp. 476–486.
- Lentes T. (2006) Prayer books. In: *Transforming the Medieval World: uses of pragmatic literacy in the Middle Ages / Ed. F.-J. Arlinghaus etc.* Brepols Publisher n.v., Turnhout, Belgium, pp. 239–258.
- Likhacheva O.P. (2008) Iz istorii slozheniia vostochno-slavianskogo Prologa [From the History of Composition of the East Slavic Calendar]. In: *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamiatnikov traditsionnoi russkoi knizhnosti na vostoke Rossii (1965–2005): Sb. nauch. statei* [Old Russian Spiritual Heritage in Siberia: Scientific Study of the Monuments of Traditional Russian Literature in Eastern Russia (1965–2005): Collected Papers]. Compiled and ed. by E.I. Dergacheva-Skop, V.N. Alekseev. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, Vol. 2, pp. 31–36.
- McLuhan M. (2005) *Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechataiushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Mel'nikova E.A. (2011) «Voobrazhaemaia kniga»: Ocherki istorii fol'klora o knigakh i chtenii v Rossii [‘Imagined Book’: Essays on the History of Folklore on Books and Reading in Russia]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Nauchnaia biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel rukopisei i kniznykh pamiatnikov [Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Book Monuments] (NB TGU ORKP). B-25451, B-25458, B-25165, B-25761, B-26101, B-26116, B-26123, B-26406, B-27242, B-26100, B-26742, B-26901, B-26902, B-27169, B-27247, B-26737, B-27395, B-25544, B-24770, B-26124, B-26127, B-26145, B-26163, B-24927, B-17389, B-27104, B-27635, B-27117, B-27401, B-17389, B-26128, B-26132, B-26154, B-27694, B-27637, B-27640, B-26143, B-26153, B-26157, B-27062.
- Picchio R. (2002) *Drevnerusskaia literature* [Old Russian Literature]. Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury.
- Picchio R. (2003) *Slavia Orthodoxa: Literatura i iazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and Language]. Moscow: Znak.
- Pokrovskii N.N. (1984) *Puteshestvie za redkimi knigami* [A Journey for Rare Books]. Novosibirsk: Kniga.
- Pokrovskii N.N., Zol'nikova N.D. (2002) *Starovery-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniia* [Old Believers Dissenters in Eastern Russia in 18th – 20th centuries: Problems of Creativity and Social Consciousness]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.

- Potekhina E.A. (2011) Problemy issledovaniia pamiatnikov staroobriadcheskoi pis'mennosti [Problems of the Study of the Monuments of the Old Believer Literature]. In: *Iazyk i tekst v sistemnom i sotsio-kul'turnom aspektakh: sb. statei* [Language and Text in Systemic and Sociocultural Aspects: Collected Papers]. Ed. by E.A. Potekhina. Olsztyn: Varminsko-Mazurskii universitet v Ol'shtyne, pp. 9–44.
- Pozdeeva I.V. (2000) Liturgicheskii tekst kak istoricheskii istochnik [Liturgical Text as a Historical Source], *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 112–118.
- Prigarin A.A. (2021) Glokalizatsiia v staroobriadcheskoi srede: modeli i sub"ekty sovremennoi modernizatsii traditsionalistskikh obshchnostei Tuvy i Budzhaka [Glocalization Among Old Believers: Models and Subjects in Contemporary Modernization of Traditionalist Communities in Tuva and Budjak], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3, pp. 210–231.
- Prokhorov G.M. (1972) K istorii liturgicheskoi poezii: gimny i molitvy patriarkha Filofeia Kokkina [On the History of Liturgical Poesy: Hymns and Prayers of Patriarch Philotheos Kokkinos]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd-nie, Vol. 27, pp. 120–149.
- Romodanovskaia E.K. (2005) «Sviatoi iz grobnitsy». O nekotorykh osobennostiakh sibirskoi i severorusskoi agiografii [‘The Saint from the Tomb’. On Some Features of Siberian and North Russian Hagiography]. In: *Russkaia agiografiia: Issledovaniia, publikatsii, polemika: Sb. nauch. statei* [Russian Hagiography: Studies, Publications, Debates: Collected Papers]. Ed. S.A. Semiachko. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 143–159.
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1431. Op. 1. D. 1324–1325. Delo ob otkrytii v gorode Kazani sekty stranikov ili begunov.
- Shemiakin Ia.G., Shemiakina O.D. (2006) Staroobriadchestvo i protsess formoobrazovaniia v rossiiskoi tsivilizatsii [Old Believers and Process of Form Shaping in Russian Civilization], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 98–109.
- Smykov Iu.I. (1984) *Krest'iane Srednego Povolzh'ia v period kapitalizma (sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie)* [Peasants of the Middle Volga Region During the Period of Capitalism (a Socio-economic Study)]. Moscow: Nauka.
- Sopikov V. (1813) *Opyt rossiiskoi bibliografii, ili polnyi slovar' sochinenii i perevodov, napechatannykh na slavianskom i rossiiskom iazykakh ot nachala zavedeniia tipografiia do 1813 goda* [An Essay of Russian bibliography, or a Complete Dictionary of Works and Translations Printed in Slavic and Russian from the Beginning of the Printing House until 1813]. Book 1. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskogo teatra.
- Vishlenkova E.A. (2005) «Ne pei vodu iz Kabana!» (Ekologicheskii krizis v Kazani XIX v.) [‘Don’t Drink from the Kaban!’ (Ecological Crisis in Kazan in the 19th century)], *Rodina*, no. 8, pp. 94–96.
- Voznesenskii A.V. (1993) Kanonnik kak tip knigi u staroobriadtsev [Prayer Book as a Type of Book among the Old Believers]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, Vol. 48, pp. 355–368.
- Voznesenskii A.V. (2004) K istorii ustanovleniia staroobriadcheskogo tipa Psaltyrei i Chasovnikov [On the History of the Establishment of the Old Believer Type of Psalters and Books of Hours]. In: *Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.): Sb. nauch. trudov. Vyp. 3. / Otv. red. i sost. E.M. Iukhimenko* [Old Belief in Russia (17th – 20th centuries): Collected Papers. Issue 3. Ed. and compiled by E.M. Iukhimenko]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, pp. 234–238.
- Zavadskaiia E.V. (1990) Mir kak kniga (Obraz knigi v Apokalipsise i obrazy Apokalipsisa v knige) [The World as a Book (The Image of a Book in the Apocalypse and the Images of the Apocalypse in a Book)]. In: *Kniga: issledovaniia i materialy. Vyp. 61* [A Book: Studies and Materials. Vol. 61]. Moscow: Knizhnaia palata, pp. 85–94.

Сведения об авторе:

ДУТЧАК Елена Ерофеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: dee010@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena E. Dutchak, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: dee010@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 23 мая 2022 г.;
принята к публикации 12 ноября 2022 г.*

*The article was submitted 23.05.2022;
accepted for publication 12.11.2022.*